

Юрий Буйда

Нора Крамер

*Часть сборника
Покидая Аркадию. Книга перемен*

Юрий Васильевич Буйда

Нора Крамер

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21179967

Буйда, Юрий Васильевич. Покидая Аркадию. Книга перемен : роман:

Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-90768-7

Аннотация

Она всегда умела добиваться своего. Если б не умела, то так и осталась бы стриптизершей в «Фениксе», одной из тех провинциалок, которые скоро выходят в тираж и заканчивают свои дни в подземном переходе на Плешке, клянча у прохожих на пиво, или продавщицей на рынке, ужинающей дошираком под паленую водку, или возвращаются в свои городки и деревни, чтобы выращивать свиней, мечтать о более или менее постоянном муже и рассказывать подружкам о Москве, где никогда не кончается горячая вода...

Она добилась всего, научилась всему, освоила искусство лицедейства, искусство немощи и даже самое трудное из искусств – великое искусство молчания...

Юрий Буйда

Нора Крамер

Сначала она была Ленкой Ложкиной, потом стала Элли Тавлинской, затем Норой Крамер, и все эти три жизни она прожила беспощадно.

Она многое умела. Умела так приготовить куриную ногу, чтобы ее хватило на три дня. Пить спирт не закусывая. Прятать деньги в заднице. Готовить бейлис из сгущенки с водкой и растворимым кофе. Перелицовывать старую одежду, превращая ее в модные шмотки. Ходить на руках. Маскировать выбитый зуб жевательной резинкой. Терпеть голод и холод. Не плакать, когда хотелось плакать. Бегать на десятисантиметровых каблуках. Брить ноги спичкой. Варить суп из сниккерса. Пользоваться кастетом. Потом она научилась танцевать стриптиз. Запоминать тридцать-сорок страниц текста с первого раза. Играть Эхила, Шекспира и Чехова. Быть матерью, женой и любовницей. Отличать шамбертен от кортона. Говорить по-английски. Повелевать с твердостью и подчиняться с радостью.

Она всегда умела добиваться своего. Если б не умела, то так и осталась бы стриптизершей в «Фениксе», одной из тех провинциалок, которые скоро выходят в тираж и заканчивают свои дни в подземном переходе на Плешке, клянча у прохожих на пиво, или продавщицей на рынке, ужинающей

дошираком под паленую водку, или возвращаются в свои городки и деревни, чтобы выращивать свиней, мечтать о более или менее постоянном муже и рассказывать подружкам о Москве, где никогда не кончается горячая вода...

Она добилась всего, научилась всему, освоила искусство лицедейства, искусство немоши и даже самое трудное из искусств – великое искусство молчания...

В детстве ей не нравилось ее имя – Элеонора, но только потому, что оно уже однажды принадлежало великой женщине – Элеоноре Дузе, а делиться Ленка не любила. И в будущем своем величии никогда не сомневалась.

Высокая, тощая, безгрудая, зубастая, с извилистыми ногами и острыми коленками, она считала себя неотразимой. Глядя на костлявую Элеонору, соседи ехидно говорили, что ее мать переспала с велосипедом или пружинным матрасом. Сверстники смеялись над ней: «Какая ты Ложкина! Ты – Вилкина! У тебя всюду зубья! Вилка! Вилка!» Но при этом все признавали, что у Вилки выразительные глаза, яркие, мятежные, и красивый чувственный рот.

Ну и талант, конечно, – с тем, что у Ленки Ложкиной талант, никто и не спорил. У нее был сильный чистый голос, она хорошо рисовала, а когда на школьном вечере читала со сцены отрывки из поэмы Асадова «Галина», зал рыдал и бешено аплодировал, а она смотрела на этих людей с улыбкой, и в душе ее радость мешалась с холодом...

Она записывалась во все кружки, какие только были в

школе и доме пионеров, – в кружок книголюбов, рисунка и живописи, фотографии, танцевальный, авиамодельный, самбо, макраме, драматический, – лишь бы поменьше бывать дома.

Ее мать была продавщицей в продуктовом магазине. В городке высокомерную и вспыльчивую Зину Ложкину называли Бензиной. Она пятнала тощую грудь мушками из тафты, носила мини-юбки, яркие клипсы и умопомрачительные прически – высокие башни со свисающими на уши локонами, украшенные гребнями, заколками, цепочками и бантиками.

В выдвижном ящике под прилавком она держала тетрадь в черной обложке, в которую записывала должников. Это было запрещено под страхом уголовного наказания, но Бензина отпускала в долг и сахар, и консервы, и вино: навар того стоил. Ее главными жертвами были пьяницы, набравшие водку «под запись». В конце месяца, когда жены алкашей приходили к Бензине, чтобы рассчитаться с долгами, выяснялось, что их мужья тридцать дней кряду пили водку ведрами и закусывали дорогой колбасой. «Опять приписала, сука! – кричала разгневанная женщина. – Вот пожалуюсь на тебя прокурору!» «Жалуйся! – кричала в ответ продавщица. – Больше ничего тебе в долг не дам! Ни спичечки!» До прокуратуры дело, конечно, не доходило: отбушевав, женщины расплачивались и снова брали в долг, а Бензина делала в черной тетради соответствующую запись.

Богатства, однако, эти доходы в семью Ложкиных не приносили. Мать спускала все деньги на блузки с блестками, коньяк, пирожные и туфли с невероятными каблуками. По вечерам играла на гитаре и пела хриплым голосом «Тихо над речкою ивы качаются», каждую ночь плакала пьяными слезами на груди очередного мужчины и всегда мечтала о Москве, где могли бы по достоинству оценить ее царские ножки: «Там жизнь – глагол, а тут – одни прилагательные...»

Но однажды в ее жзни появился нищий баянист Сушкин, толстяк с собачьими глазами, который писал стихи, посвященные прекрасной Бензине, и все изменилось. Теперь она пила только с ним, теперь по ночам она плакала только на его груди, теперь она почти не поминала Москву: она нашла свой глагол. По утрам Сушкин ходил по дому в трусах, брал квашеную капусту из тарелки руками и томно вздыхал, поглаживая Бензинину задницу. Когда у Сушкина случались приступы гипертонии, Бензина преданно ухаживала за ним.

И тогда же ее дочь вдруг поняла, что нашла свое призвание.

Однажды руководитель драмкружка Ксаверий Казимирович Зминский – в городке его называли Ксавье – оставил ее после занятий и попросил прочитать стихотворение «Вот бреду я вдоль большой дороги...». Элеонора прочла «с выражением», как читала со сцены «Галину». Ксавье выслушал, кивнул и стал рассказывать о Тютчеве, о юной Елене Денисьевой, которой поэт годился в отцы, об их любви, их болез-

ненных отношениях, растянувшихся на четверть века, об их детях, о ее смерти и его горе...

– Так он при живой жене ей детей делал? – спросила Ленка. – На глазах у всех?

– Да, – сказал Ксавье. – А теперь почти то же самое еще раз.

Она поняла, что тут какой-то подвох, и стала читать, внимательно наблюдая за выражением лица Ксавье, но оно осталось невозмутимым. Тогда она после паузы прочла стихи в другой тональности, но и на этот раз учитель промолчал.

После этого Ленка, сбитая с толку, испуганная и униженная, пошла в библиотеку, набрала книг Тютчева и о Тютчеве, проглотила их за неделю, но на следующее занятие драмкружка не пошла. Она вдруг поняла, что не в силах прочесть это стихотворение так, чтобы это понравилось Ксавье. Она лежала в своей комнатке, слышала, как Сушкин внизу тихонько наигрывал на баяне что-то тягучее, степное, как мать мыла посуду после ужина, а в соседском дворе выл пес Таракан, думала об этом старике в мундире со звездой, который писал стихи, о его желчном характере, о его любовнице, перебирала в памяти стихи и не заметила, как уснула, а среди ночи вдруг проснулась, села на кровати – голова была ясной, руки почему-то дрожали – и вдруг увидела в окне соседского дома тусклый огонек, и словно вознеслась над этой жизнью, над городком, над спящими и умирающими, с радостью почувствовала себя живой и бессмертной, и услышала

какой-то дребезжащий тихий звук – это сумасшедший старик Девушкин брел по ночному городу, толкая перед собой тележку со всяким мусором, который он целыми днями собирал на обочинах, и прочла стихотворение вслух, не слыша себя, но понимая, что – получилось, и понимая также, что самое трудное – не потерять этот тусклый свет, эту безмозглую подростковую радость и этот дребезжащий звук, далеко разносившийся в ночи...

Через неделю она дождалась, когда Ксавье останется один, отвернулась к окну, чтобы не видеть его лица, и стала читать, упиваясь этим светом, тлеющим где-то в глубине, и этим звуком, заунывным и дребезжащим, накатывающим и затихающим, накатывающим и затихающим...

– А ты, оказывается, не такая и дурочка, как я думал, – сказал Ксавье, когда она замолчала. – Теперь надо поработать с дыханием...

Никогда еще она не переживала таких чувств, как в тот вечер. Ей казалось, что она чудом избежала смертельной опасности, и была так счастлива, что не могла сдержать слез. И ей хотелось переживать это чувство снова и снова, невзирая на страх и унижение...

С того дня Ксавье стал заниматься с нею отдельно. Они читали пьесы вслух по ролям, обсуждали характеры и интонации, и после этого Ленке хотелось тотчас сыграть и Федру, и Джульетту, и леди Макбет, и Маргариту Готье, но более или менее убедительной выходили у нее роли помещи-

цы Поповой из чеховского «Медведя» да Софьи из «Горя от ума». К своему огромному удивлению, она обнаруживала в себе бездны упорства и терпения, когда по приказу Ксавье в тридцать какой-то раз декламировала «На холмах Грузии» или монолог Нины Заречной...

– Есть в тебе содержание, есть, – говорил Ксавье. – Из тебя может получиться актриса, если не остановишься... может быть, даже трагическая актриса...

По дороге в школу она бормотала себе под нос: «Тебе открылся мой мучительный позор, И слезы пеленой мне застилают взор...» или: «Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни», и вдруг останавливалась, смотрела на людей, бежавших по своим делам, на серые деревья, стены домов, и прерывисто вздыхала от необыкновенного счастья, которое ее переполняло...

Ксаверия Зминского вдруг посадили по сто двадцать первой статье, за гомосексуализм, и Ленка осталась одна. На нее показывали пальцем, хихикали за спиной, к ним вдруг зачастили соседи – посмотреть на «подружку пидораса», а новый руководитель драмкружка сказал, что ничего путного из Ленки не выйдет, потому что она слишком долго думает...

На выпускной вечер Ленка не пошла, аттестат о среднем образовании получила в школьной канцелярии.

Она попыталась поступить в медучилище, но неудачно.

Вынесла за калитку все книги, которые покупала на обе-

денные деньги, устроилась продавщицей в магазин москательных товаров, осенью вышла замуж за соседского парня Мишу, только что вернувшегося из армии, добродушного силача и пьяницу, родила сына, у которого оказался кататонический синдром, ребенка сдали в психоневрологический интернат, и через три месяца он умер, по вечерам Ленка в компании мужа, матери и Сушкина смотрела «Рабыню Изауру», пила водку с лимонадом и плакала, Миша набирался до чертиков и начинал бить жену, в драку ввязывались Бензина и Сушкин, потом мирились, пили, плакали и хором пели «Невечернюю»...

Но однажды в субботу, после «Невечерней», Миша вдруг схватил нож, закричал: «Да провались оно все пропадом!» – и перерезал себе горло на глазах у жены, тещи и баяниста, забрыгав всех кровью. Спасти его не удалось.

Неделю Ленка не выходила из своей комнаты, неделю она не могла заснуть. Закрывала глаза и видела разваливающееся горло мужа с потеками крови, жалобное лицо Сушкина и мать, замершую с открытым ртом, в котором сверкал золотом нижний левый клык, – и вскакивала, вся дрожа, задыхаясь...

Утром в воскресенье открыла зачем-то сундук, вытащила случайно уцелевший томик Тютчева, села на стул и просидела у окна до вечера, так и не открыв книгу.

В понедельник взяла на работе расчет, купила билет на автобус до Москвы, выписала из справочника адреса всех

столичных театральных училищ, кинула в чемоданчик смену белья, накрасила губы и отправилась на автовокзал. В ожидании автобуса позволила цыганке погадать на руке, отдала ей пятерку, заняла место и заснула, а проснулась уже в Москве, на Щелковском вокзале – только тогда и обнаружила, что цыганка украла у нее все деньги.

Что ж, хоть фамилия осталась – Тавлинская. Элеонора Тавлинская. Не то что Ложкина. Ради этой звучной фамилии, может быть, и вышла за Мишу, подумала она и стиснула зубы.

Ей было девятнадцать, когда она приехала в Москву, и у нее не было денег.

Пять копеек, завалывшиеся в кошельке, уже не были деньгами – в марте 1991 года проезд в метро подорожал втрое.

Она была голодна, и ей хотелось пить. Бродила по автовокзалу, уворачиваясь от дюжих наперсточников, которые убегали от милиции со складными столиками в руках, валя прохожих с ног, высматривала бутылки с остатками пива, но их перехватывали злые старухи в беретах со значком «Гвардия» и в домашних тапках, привязанных к ногам бельевыми веревками, глазела на проституток, отдохавших с водкой и сигаретами за заданием вокзала на поваленном заборе, куда все, мужчины и женщины, ходили мочиться, на парней в спортивных костюмах и кепках, выцеливавших недобрым взглядом кого-то в толпе, и, наконец, не выдержала – подошла к старику, продавцу газет, и спросила, не подскажет ли

он, где тут можно переночевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.